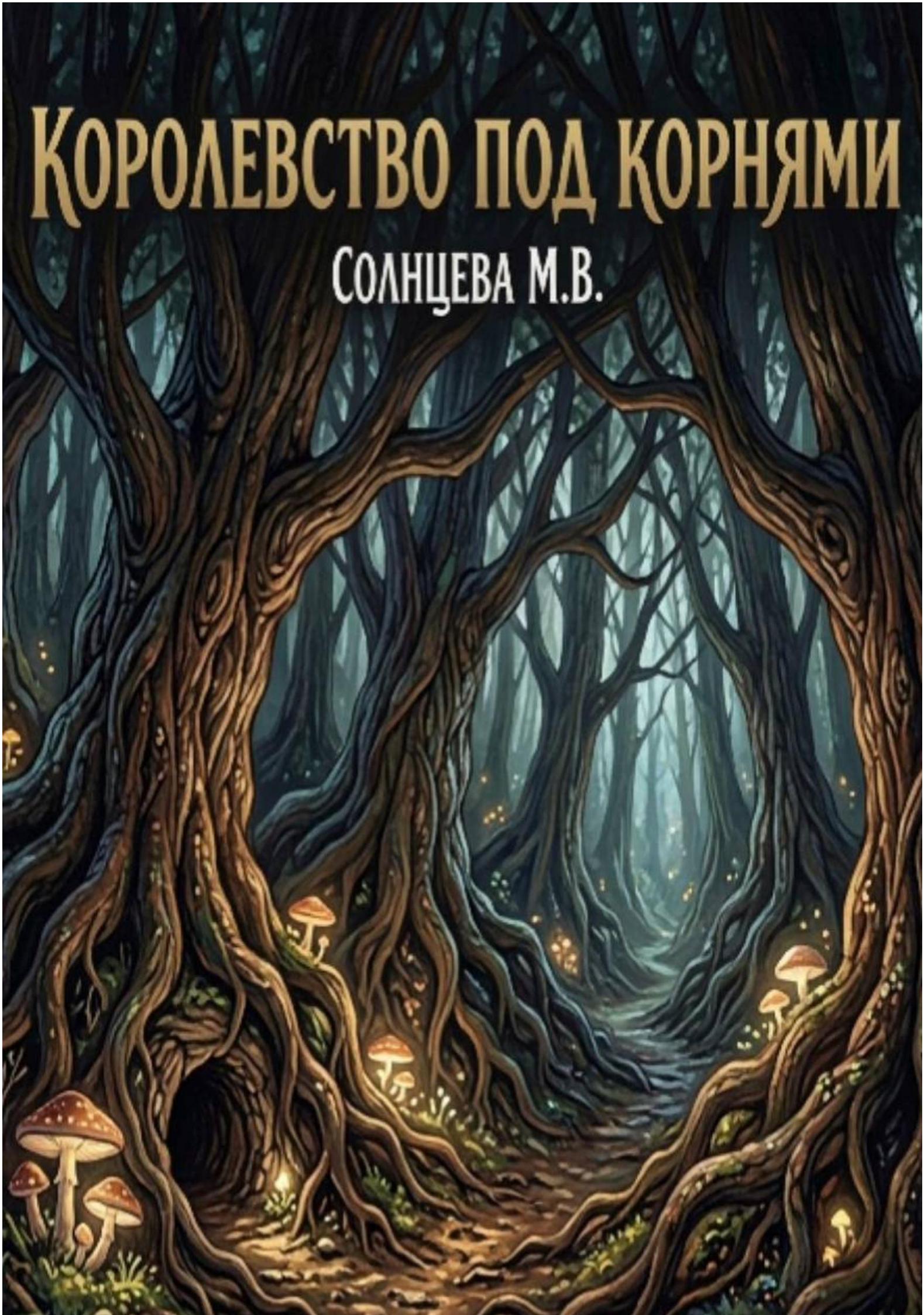
Королевство под корнями

Солнцева М.В.



Маргарита Солнцева

Королевство под корнями

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Королевство под корнями / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Под старым лесом живёт второй мир — тихий, вежливый и очень терпеливый. Когда наверху рубят деревья, внизу объявляют войну.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сюжет 5
Глава 1. Совет под дубом 6
Глава 2. Хлеб и цена 9
Глава 3. Шестнадцать и пять 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Маргарита Солнцева
Королевство под корнями

Сюжет

Под старым лесом живёт второй мир — тихий, вежливый и очень терпеливый. Когда наверху рубят деревья, внизу объявляют войну.

Главные герои : Хельга — хозяйка лесопилки, два года как без отца, с долгами, пятью работниками и обязательством перед Гнилоземьем; старик под корнями, ведущий разговор и знающий цену каждому слову; мастер Герхардт, который не любит молодую поросль и говорит прямо; Пимен Тихонович, глухой на левое ухо, сказавший когда-то «у меня дочь в городе» вместо «я испугался»; кухарка Марта с серой книгой, где двенадцать семей не стоят одной строкой; братья Клаус и Курт, возчики, и шестнадцатилетний Отто; староста Матиас Кранц с двумя парами очков; Устинья и её сын Тимка, которых река отпустила; мельник Якоб, который не поставил лопасти обратно; актуариус конторы, знающий книгу актов наизусть; ссудный старик Штерн, у которого «цена — это не совет»; отец Хельги — через дела, которые продолжают жить после него.

Глава 1. Совет под дубом

Войну объявили вежливо. Так уж у них было заведено: сначала три дня звонили в колокола, потом прислали посла с ветвью и письмом, а уже после этого начали портить дела. Хельга стояла на пороге отцовской лесопилки с этим письмом в руке и не знала, смеяться ей или звать священника. Бумага была не бумажная: тонкий ломтик древесины, вымоченный в смоле, а буквы выжжены так ровно, что не верилось в чью-то руку.

«Люди Наверху. Мы, Живущие Под Корнями, девятьсот лет терпели вашу пилу. Мы просили. Мы ждали. Мы посылали знаки: сухие ветви на ваших крышах, воду в ваших подвалах, бесплодие в ваших полях. Вы называли это погодой. Ныне рубить запрещаем. Всякий, кто свалит дуб, свалит себя».

Отец умер два года назад, и лесопилка осталась Хельге вместе с долгами, пятью работниками и обязательством поставлять балки для нового моста в Гнилоземье. Мост был нужен: река в половодье уносила людей, и каждый год в ней пропадали дети. Балки можно было резать с молодой поросли — так делали в других деревнях, — но мастер Герхардт, старый и упрямый, сказал прямо: «Поросль не держит. Дуб держит». И показал на два ствола, помеченных на сруб ещё покойным отцом Хельги.

Ночью Хельга пошла к тому дубу — одному, самому старому, на границе вырубки. Она не собиралась ничего рубить. Она собиралась посмотреть, поговорить, как говорят с огнём, с водой и с прочими глупостями, в которые взрослая женщина верить не должна. Она села в корни, подстелив плащ, и сказала негромко:

— Если вы там, под корнями, то знайте: этот дуб нужен не для забавы. Река забирает детей. Мне нужны балки, шестнадцать штук.

Под землёй что-то шевельнулось — не корень, а именно «что-то», и Хельга почувствовала это коленями. Потом из-под мха, ровно, без спешки, выступила дверь. Не выкопанная, не приставленная — она просто стала видна, как становятся видны звёзды, если долго смотреть в небо. Дверь была дубовая, с железной накладкой и щеколдой, а над ней, в древесной трещине, горел огонёк — маленький, спокойный, кухонный.

Дверь открылась. На пороге стоял старик ростом с ребёнка, в тёплой куртке, подпоясанной лыком, с чашкой в руках. За ним был коридор — длинный, с потолком из корней, и оттуда пахло хлебом, сушёными яблоками и дымом. Старик посмотрел на Хельгу снизу вверх, будто она была не человеком, а погодой, и сказал:

— Заходи, коли пришла по делу. Мы шестнадцать балок не отдадим. Но у нас есть то, что тебе нужнее, и об этом мы поговорим долго.

Утро до письма было обыкновенным.

Хельга встала в четыре, потому что в четыре встают не по привычке, а потому что в это время ещё можно успеть сделать что-то до того, как начнут приходить люди со своими делами. Она вышла на крыльцо, посмотрела на реку, на серую воду под инеем, на дым над Нижним, и подумала то, что думала каждое утро последние два года: что до Пасхи осталось столько-то недель, а денег столько-то.

Считать она начинала раньше, чем здоровалась.

Первым шёл долг: триста марок, перенесённые трижды, и по ним проценты, которые она помнила до полушки. Потом шёл заказ: мост в Гнилоземье, шестнадцать балок, четыреста марок, и это единственные деньги, которые в этом краю приходили целиком, а не по частям. Потом шли люди: Пимен, Клаус, Курт, Отто, Марта — пятеро, и на них уходило в месяц сорок две марки, не считая харчей. Потом шли мелочи, которых было больше, чем всего остального: смола, гвоздь, канат, мыло, керосин, подковы, соль.

Итого выходило, что лесопилка не то чтобы работала в убыток. Она работала в ноль с наклоном.

— Ты чего стоишь? — спросила Марта из сеней. — Вода вскипела.

— Считаю.

— Считай за столом, — сказала Марта. — На голодный счёт злее выходит.

Они пили чай в кухне, и это была единственная комната в доме, где ещё пахло отцом: он не любил кабинет, не любил контору, а любил сидеть у плиты, потому что от плиты тепло, а от бумаг нет.

— Мне вчера приснился твой отец, — сказала Марта.

— И?

— Стоял и молчал. — Марта подлила себе. — Он всегда молчал, когда собирался что-нибудь сделать. Ты в него.

Хельга не ответила.

Отец умер в феврале, на той стороне Пасхи, когда лёд уже сизый, но ещё держит. Хоронили в оттепель, гроб несли на руках, потому что телега вязла; Герхардт шёл впереди и ничего не говорил. На поминках говорили разное — что мастер был хороший, что лесопилку поставил на пустом месте, что дочь выучил в городе, — и никто не сказал главного, потому что главного не знал или делал вид, что не знает.

Главное было в том, что последние двадцать лет отец работал как человек, у которого есть срок. Он брал заказы больше, чем мог взять, и выполнял их в срок, и все говорили: вот это мастер. А Хельга, которая с двенадцати лет сидела над книгой расходов, видела другое: он всё время догонял какую-то цифру. Не зарабатывал — догонял.

В ту зиму, когда он умер, в книге на последней странице стояло: «остаток — 12 марок, канат — 20 саженей, долг — 300».

Он умер, догнав всё, кроме трёхсот.

Письмо она нашла на пороге, когда вышла выносить золу.

Ломтик был тонкий, светлый, почти прозрачный по краю, и лежал он не на снегу, а на доске крыльца — так, чтобы не занесло. Прожжённые буквы пахли смолой, и запах был свежий, утренний, как пахнет смола, если её варить на рассвете.

Хельга прочла письмо дважды.

Первый раз — как читают всё, что находят на пороге: быстро, глазами, ища главное. Главное было: «рубить запрещаем».

Второй раз — как читают бумаги: сверху вниз, слово за словом, отмечая, чего в них нет. Не было подписи. Не было даты. Не было печати. Не было того, кто вручил, — а без этого, по здешним правилам, любая бумага была не бумагой, а слухом.

— И что это? — спросила Марта, стоя в дверях.

— Это письмо.

— От кого?

— От них, — сказала Хельга.

— От кого — от них?

Хельга положила ломтик на стол.

— От тех, кто под корнями.

Марта подошла, посмотрела, не тронув, и сказала спокойно, как говорят о вещи, которую давно ждали:

— Значит, всё-таки есть.

— Ты знала?

— Я сорок лет живу в этом краю, — сказала Марта. — Тут все знают. Только вслух не говорят, потому что говорить вслух — это как бы признать, что ты в это веришь, а признаться в этом хуже, чем быть смешным: за это не платят.

— Как это — не платят?

— А вот так. — Марта взяла чашку. — Спроси у любого в Нижнем: «кто у вас ветки на крыши кладёт?» Тебе скажут: «ветер». А спроси: «а почему ветер кладёт ровно, поперёк конька, и всегда в одну сторону?» Тебе скажут: «иди работай».

Хельга села.

За окном светало, и на реке трещал лёд — не ломался, а трещал, как трещит старый пол.

— Марта, — сказала она. — Двенадцать семей.

— Двенадцать, — сказала Марта.

— Если я не отдам балки, к осени лесопилки не будет.

— Будет, — сказала Марта. — Только не лесопилка, а поле.

Хельга долго молчала.

А потом сделала то, что делал её отец в трудные минуты: достала книгу расходов, открыла её на чистой странице и начала переписывать всё заново — не так, как оно шло по дням, а так, как оно есть на самом деле: столбиком, с итогом, где внизу стоит не «сколько у меня», а «сколько у меня останется, если».

Она исписала страницу и сама испугалась, до чего короткой она вышла.

Глава 2. Хлеб и цена

Коридор шёл вниз и вбок, потолок был из корней, пол — из утоптанной земли, и по стенам, ровно через каждые десять шагов, висели кухонные огоньки: маленькие, тёплые, совсем не страшные. Хельга шла и считала шаги, потому что привыкла считать всё, что можно посчитать, — брёвна, деньги, дни до половодья. На сорок втором шаге коридор кончился, и она оказалась в зале.

Зал был тот самый дуб. Хельга поняла это сразу: потолок шёл сводом, как идёт ствол, и корни, толстые, как утопленные канаты, уходили куда-то вниз, в глубину, где уже не было ни огней, ни стен. Вдоль них стояли столы, за столами сидели люди ростом с ребёнка, ели, разговаривали, чинили что-то в четыре руки, и — Хельга отметила это отдельно — никто из них не обернулся.

— Садись, — старик поставил на стол чашку. — Хлеб свежий, ешь. Разговор будет долгий.

— Мне нужны шестнадцать балок, — сказала Хельга, садясь. Голос вышел громче, чем она хотела, и в зале наконец стало тихо.

— Мы не отдадим дуб, — старик сел напротив. — Но ты, я вижу, не рубильщица. Рубильщик за порог не заходит, рубильщик кричит от калитки. Тебе балки нужны для моста через реку. Так?

— Так. Река забирает детей. В половодье — каждый год.

— Знаем, — старик кивнул. — Мы её и отпустили.

Хельга поставила чашку.

— Двадцать лет назад, — старик говорил спокойно, как говорят о погоде в позапрошлом году, — на правом берегу, выше вашей лесопилки, стояла роща. Сто двадцать дубов, и все — с корнями в нас. Один человек — твой отец, девочка, — срубил её за одну зиму: на балки для новой пристани в Гнилоземье. Он был хороший мастер и не жадный, он поставил на месте рощи ветряк и хотел как лучше. А корни, что держали берег, остались в земле без стволов и стали гнить. С того года берег пошёл. С того года река и начала брать.

В зале было очень тихо. Хельга смотрела на свои руки — большие, в мозолях, с обрубком ногтя на левой, — и думала о том, что все эти годы винила реку, бога, погоду, кого угодно, кроме отца, который умер и которого нельзя спросить.

— Мы знали, что вы придёте, — сказал старик. — Двадцать лет ждали. Мы умеем ждать, это наше ремесло. Ответ такой: балки мы тебе дадим — из валежника, того, что упало само, шестнадцать штук, хоть завтра выкатим. И берег залатаем: корни вырастим заново, только не в один год. А с вас — то, что мы просили девятьсот лет и просить не перестанем: выше моста не рубить дуб.

— А если я соглашусь? — Хельга подняла глаза. — Если я соглашусь, кто поручится, что вы сдержите слово?

Старик встал, обошёл стол и положил на ладонь Хельги что-то маленькое и тёплое: жёлудь, обыкновенный, только твёрдый, как камень.

— Держи. Посадишь весной у моста, и он прорастёт в тот же день. Это не порука — это долг. Теперь ты тоже должна нам корень, — он чуть улыбнулся. — Хитрая штука, да? Зато честная. Как хлеб.

Хлеб был тёплый, и это оказалось важнее всего остального.

Хельга взяла ломоть и вдруг поняла, что не ела с четырёх утра, и что за последние две недели ела, кажется, только стоя, и что руки у неё дрожат не от страха, а от голода. Она села и стала есть, и за столом тотчас стало тише — так, как становится тихо в комнате, где человек наконец перестал быть гостем и стал просто человеком.

— Так лучше, — сказал старик. — С человеком, который не ел, нельзя говорить о цене. Он всё равно будет говорить о хлебе.

— Я и сейчас о хлебе, — сказала Хельга с полным ртом. — Он у вас откуда?

— Из ржи.

— Из чьей?

Старик посмотрел на неё с интересом.

— Ты первый человек сверху, который спросил это на второй минуте, — сказал он. — Из вашей. Мы берём зерно у вас, на току, ночью, по осени, и оставляем плату — мёдом, воском, грибами сушёными, кому что нужно.

— То есть вы воруете.

— Мы обмениваем. Просто обмен происходит так, что вы его не видите. — Старик отломил себе. — В этом краю, девочка, всё так происходит. Твой отец рубил лес и не видел, что он рубит. Мы брали зерно и не видели, у кого берём. Вы звали нас погодой, мы звали вас пилой. Так и жили девятьсот лет — вежливо.

Хельга прожевала и отложила ломоть.

— Мне нужны балки, — сказала она. — Шестнадцать. Пять саженей. К Пасхе.

— Знаю, — сказал старик. — Знаю, что к Пасхе, знаю, что пять саженей, знаю, что Гнилоземье уже разобрало старый мост, и знаю, что ты сейчас сидишь и думаешь: этот старик знает слишком много, чтобы быть честным.

— Думаю.

— И правильно. — Он поднял чашку. — Но я тебе скажу, откуда я знаю. У нас наверху ходят трое. Не шпионы — счётчики. Они не подслушивают, они записывают: сколько вы срубили, сколько вывезли, сколько у вас подвод, сколько душ. Мы ведём свой счёт, девочка. Мы ведём его девятьсот лет, и он у нас, извини, точнее твоего.

— Точнее?

— У вас книга — это когда записано. У нас книга — это когда сходится. — Старик кивнул в глубину зала. — Хочешь посмотреть?

Они пошли через зал, и Хельга шла и смотрела по сторонам так, как смотрят, когда нельзя трогать.

Здесь было не так, как она думала.

Она думала: норы, земля, темнота. А было похоже на деревню, только сшитую иначе: коридоры были улицами, широкие, с сухим полом, а над ними — своды из корней, и в этих сводах, если долго смотреть, угадывались окна: корни расходились, пропуская тонкий свет сверху, и под каждым таким просветом стоял стол или лежанка, или горшок с зеленью.

Кухни были в нишах. В одной варили, и пар уходил вверх, в корни, и корни были мокрые от пара, и по ним бежали капли, и эти капли кто-то подставлял — плошками, листьями, ладонями.

— Вода, — сказал старик, заметив её взгляд. — У нас вода не сверху, у нас вода из корня. Корень пьёт и отдаёт. Мы не копаем колодцев, мы не тратим на это сил. Зато у нас нельзя поссориться с соседом: если он обидится и перекроет свой корень, ты останешься без воды.

— И что, не ссорятся?

— Ссорятся. Но недолго.

Дети здесь были везде.

Хельга остановилась, потому что не ожидала: ей казалось, что в земле детей быть не должно, что здесь должны быть старики и работа. А тут навстречу шли трое — мальчишка лет восьми, две девочки помладше, — и они шли, глядя на неё вверх, и один сказал громко, нисколько не смущаясь:

— Она большая.

— Она человек, — сказал старик. — Не тыкай.

— Я не тыкаю. Я говорю.

— Говори тише.

Дети отошли на два шага и продолжили смотреть.

— Сколько вас? — спросила Хельга.

— Под этим дубом — четыреста двенадцать, — сказал старик. — Под тем лесом, что за рекой, — не знаю, там другой счёт. Мы не считаем друг друга: у нас считается только то, что нужно для дела.

— И сколько нужно для дела?

— Восемьдесят мешков муки в год, — сказал он, не задумываясь. — Сто двадцать локтей полотна. Сорок кувшинов масла. Сорок два кузнеца… — Он остановился. — Я опять стал считать вслух. Ты меня слушаешь, и от этого я считаю вслух. Это привычка старая: когда слушают, надо говорить точно.

Книга была в конце зала, за перегородкой из плетёного корня.

Она оказалась не книгой.

То есть это была книга — но не такая. Она лежала не в переплёте, а в раме, и листы её были не бумажные, а из тонкой древесной пленки, и вместо страниц она раскрывалась, как раскрывается веер: стояла на подставке, и к ней подходили с двух сторон.

— Мы пишем не по порядку, — сказал старик. — Мы пишем по смыслу. Видишь: вот здесь считают воду, вот здесь — хлеб, вот здесь — лес. И каждая страница сходится со всеми остальными.

Хельга стояла и смотрела.

— Покажи лес, — сказала она.

Старик подошёл и повернул один лист.

Перед ней был северный берег, вычерченный линиями: река, обрыв, роща — точнее, место рощи, и на месте рощи стоял пустой круг, обведённый точками, и от этого круга вниз уходили корни, и у каждого корня стояла цифра.

— Что это? — спросила она.

— Это то, что осталось, — сказал старик. — Сто двадцать корней. У каждого — свой срок. Здесь, — он тронул точку, — держит ещё двенадцать лет. Здесь — четыре. Здесь — гнилой, ему осталось два.

— А это?

— А это счёт, который мы ведём с той зимы, когда твой отец срубил рощу. — Он помолчал. — Мы не мстили, девочка. Мстить — это когда ты делаешь что-то, чтобы другому стало плохо. Мы просто считали: сколько берега уйдёт, где вода выйдет, куда она пойдёт. Мы это знали заранее.

— Знали — и ничего не сделали?

— Сделали, — сказал старик. — Мы вас предупреждали девятьсот лет. Ты видела наши знаки на своих крышах и звала их погодой.

В книгу подошла женщина.

Она была не старуха — лет сорока, если считать по-человечески, но это вряд ли было можно считать; у неё были коротко остриженные седые волосы и руки, все в мелких ожогах, как у Герхардта.

— Это Хельга с лесопилки, — сказал старик. — Хельга, это Ирма. Она ведёт лес.

— Здравствуйте, — сказала Ирма. — Вы пришли за балками.

— Пришла.

— Пятнадцать, — сказала Ирма.

— Что — пятнадцать?

— Пятнадцать балок, а не шестнадцать. — Она повернулась к старику. — Мы не можем дать шестнадцать. В валёжнике за зиму было восемнадцать стволов, из них два — гнилые в

сердцевине. Семнадцать. Один мы уже отдали на свою стройку в Глухом коридоре. Осталось пятнадцать.

— Вы обещали шестнадцать, — сказала Хельга.

— Обещали, — сказал старик, и в его голосе не было ни смущения, ни извинения. — А теперь я тебе говорю правду, потому что ты сидишь за моим столом и ела мой хлеб. Пятнадцать.

Хельга молчала.

Она считала.

Пятнадцать балок — это мост, у которого не хватает одного пролёта. Пролёт — это двадцать локтей настила, и на эти двадцать локтей в половодье ставили двух человек, чтобы держали доски, и в тот год, когда вода шла высоко, эти двое… она видела в книге Гнилоземья, что бывает с теми, кто стоит на настиле у воды.

— Пятнадцать — это почти мост, — сказала она вслух.

— Да, — сказала Ирма. — Почти.

— А почти мост — это пролёт.

— Да.

— А пролёт — это двое.

Ирма посмотрела на неё внимательно, и Хельга впервые за весь вечер увидела в чьих-то глазах то, что искала с самого утра: не жалость, не торг, а узнавание.

— Ты считаешь, — сказала Ирма. — Хорошо. Считай тогда правильно: пятнадцать балок и один пролёт из поросли. Поросль держит четыре года. За четыре года мы успеем вырастить корень на месте второго пролёта — не такой, как был, но настоящий. Тогда мост встанет целиком.

— А если не успеете?

— Тогда через четыре года в этой книге, — Ирма положила ладонь на лист, — появится новая строка. И я её запишу. Я всегда записываю.

Хельга посмотрела на старика.

— Вы знали, что она скажет пятнадцать.

— Знал.

— И впустили меня с письмом, где написано «шестнадцать».

— В письме написано не «шестнадцать», — сказал старик. — В письме написано «всякий, кто свалит дуб, свалит себя». Шестнадцать — это твоё, девочка. Это ты пришла с шестнадцатью, потому что тебе нужны шестнадцать. А мы пришли с пятнадцатью, потому что у нас пятнадцать.

— Это обман.

— Это счёт, — сказал старик. — И я тебе скажу, чем он отличается от вашего. Вы, когда не хватает одной балки, ставите на пролёт двух человек и думаете: обойдётся. Мы, когда не хватает одной балки, идём и говорим: не хватает одной. И ждём четыре года.

Хельга сидела и смотрела в лист, где на месте рощи стоял пустой круг, обведённый точками, и у каждого корня стояла цифра.

— У нас за эти четыре года может умереть человек, — сказала она.

— Может, — сказал старик. — А у нас за эти годы корень пустит поросль, и на поросли поселится птица, и птица съест ту гусеницу, что съела бы ваш лес.

Он поставил чашку.

— Я тебе не враг, — сказал он. — И не друг. Я счётчик. Мне семьдесят два года по-вашему, и я тридцать из них вожу эту книгу, и я тебе скажу одну вещь, которую ты пока не понимаешь: самое дорогое, что у вас наверху есть, — это то, что вы согласны считать на четыре года вперёд. Всё остальное у вас уже есть.

Хельга встала.

— Мне надо домой.

— Иди, — сказал старик. — Только ответь мне на один вопрос, прежде чем уйдёшь. — Он не двинулся с места. — Ты знаешь, почему твой отец рубил ту рощу?

— Деньги. Пристань. Заказ.

— Нет, — сказал старик. — Он рубил её, потому что ему сказали: «если не срубишь ты, срубит другой, и тогда тебе не заплатят». Ему не нужны были деньги, девочка. Ему нужно было не остаться в стороне. — Он помолчал. — Это самое страшное, что с вами бывает. Вы делаете не то, что хотите, а то, что уже начал кто-то другой, — чтобы не оказаться последним.

Хельга стояла и смотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— Потому что так у нас тоже было, — сказал старик. — Девятьсот лет назад.

Вечером Марта позвала её в кухню и поставила на стол две вещи: чугунок с кашей и книгу.

Книга была не та, что лежала в конторе, и не та, в которой Хельга считала брёвна. Это была обычная книга в сером коленкоре, с потрёпанными углами, и Марта вела её семнадцать лет.

— Садись, — сказала она. — Ешь и смотри.

Хельга села.

— Что это?

— Это моя. — Марта открыла её. — Ты считаешь, сколько у нас леса. А я считаю, сколько у нас людей.

Страницы были разлинованы от руки, и в столбцах стояли имена.

Против каждого имени — цифры и пометки: «Грот, Мартин — 4 едока, 2 работника»; «Пимен Тихонович — 1 едок, глух на левое, к зиме валенки»; «Клаус, жена, трое, старший сын в городе, пишет раз в месяц»; «Курт — 1, холост, зимой пьёт»; «Устинья — 3 едока, сын Тимка 6 лет, муж утонул в 12-м».

Хельга листала.

— Марта, тут весь край.

— Весь, — сказала Марта. — Сорок два двора. Триста шестьдесят восемь человек. Из них сто двенадцать — те, кто может работать, и сорок один — те, кому надо есть, а работать они не могут: старики, малые, больные.

Она села напротив.

— Теперь слушай, что я тебе скажу, и это тебе не про доброту, а про счёт. — Она ткнула пальцем в страницу. — Ты весной говорила: «двенадцать семей уйдут в город». Это неправда. Уйдут не двенадцать семей. Уйдут те, у кого нет долга и нет родни. Их у меня в книге девять. А двенадцать семей — это те, кто останется и будет жить хуже, потому что у них есть долг и есть родня, и уехать они не могут.

— То есть мост…

— Мост — это не двенадцать семей, — сказала Марта. — Мост — это сорок два двора, потому что через мост идёт хлеб. — Она закрыла книгу. — Хлеб в Заимке не растёт. У нас песок. Хлеб привозят из-за реки, и привозят по мосту, и если моста нет, то зимой привозят по льду, а весной и осенью не привозят вовсе. И вот тогда цена муки у нас не растёт на копейку. Она растёт вдвое.

Хельга отложила ложку.

— Вдвое?

— В двенадцатом году, когда мост снесло, — сказала Марта, — куль ржи стоил у нас восемь рублей сорок. До сноса — четыре двадцать. — Она помолчала. — Восемь рублей сорок, Хельга. Это цена не муки. Это цена моста.

Хельга сидела и смотрела в книгу.

— Почему ты мне это не сказала раньше?

— Потому что ты бы решила, что я тебя жалею. — Марта встала и налила себе чаю. — А я не жалею. Я тебе говорю: когда пойдёшь на сход, не говори им про корни и про уговор. Про уговор будут говорить они, потому что им приятно говорить про высокое. А ты говори про куль ржи.

— Они скажут, что это шантаж.

— И пусть. — Марта села. — Шантаж — это когда человек не может проверить. А тут каждый может пойти и посмотреть в мою книгу.

Она придвинула книгу к Хельге.

— Смотри сюда. Вот Устинья. В двенадцатом она схоронила мужа и осталась с Тимкой. И знаешь, что она делала в том году? Она ходила по дворам и просила хлеба. Не милостыни — хлеба, в долг, до весны. И ей дали все, кроме двух дворов, и один из этих двух — мой.

Хельга подняла глаза.

— Ты отказала?

— Я отказала, — сказала Марта ровно. — Я тогда держала кухню у Стефана, у меня своих было четверо, и я сказала: «У меня нет». У меня было. Я просто боялась, что не хватит своим. — Она отпила чаю. — С тех пор я веду эту книгу. Не для того, чтобы быть доброй. Для того, чтобы больше не говорить «у меня нет», когда есть.

Она закрыла книгу.

— Так что ты мне скажи, хозяйка: что ты будешь делать, когда у нас не хватит на хлеб?

Хельга долго молчала.

— Не знаю, — сказала она.

— Правильный ответ, — сказала Марта. — Кто говорит «знаю», тот потом говорит «у меня нет».

Она убрала книгу на полку, между двумя банками, где её никто бы не стал искать.

— И последнее. Ты сейчас считаешь лесопилку и мост. А считать надо так: лесопилка — это сто двенадцать человек, которые могут работать, и сорок один, которые не могут, но едят. И если ты это забудешь, то через год у тебя будет очень хороший мост и очень пустая Заимка.

Дома Хельга раскрыла свою книгу расходов и впервые за два года задумалась, куда в ней писать людей.

Она прикинула так и этак — не выходило: в книге расходов были графы «взято» и «отдано», и люди в них не помещались.

Тогда она взяла отдельный лист, озаглавила его «Дворы» и стала выписывать по памяти то, что видела в серой книге: сорок два двора, триста шестьдесят восемь человек.

К полуночи она дошла до двадцатого двора и поняла, что половину имён не знает.

Она сидела над листом и думала о том, что прожила в этом краю всю жизнь, два года держала лесопилку, платила людям, спорила с ними — и не знала, как зовут половину тех, чьими руками эта лесопилка стоит.

Утром она пошла к Марте и сказала:

— Дай мне свою книгу на неделю.

— Зачем?

— Я хочу знать имена, — сказала Хельга. — Я всё время говорю «люди». А «люди» — это слово, которым удобно считать. Я хочу имена.

Марта посмотрела на неё и вынула книгу с полки.

— На неделю, — сказала она. — И вернёшь в том виде, в каком взяла.

— А если я в неё что-нибудь впишу?

— Тогда ты уже не просто хозяйка, — сказала Марта. — Тогда ты села за один стол с теми, кто считает животы.

Хельга унесла книгу и читала её три ночи.

И на третью ночь она нашла там запись, сделанную семнадцать лет назад, в самом начале, первым почерком Марты, ещё ровным:

«Грот, Мартин — 6 едоков. Долг Штерну 90. Отдал в срок. Дал Устинье хлеба, когда другие не дали, и не сказал об этом никому. Записала, чтобы помнить».

Глава 3. Шестнадцать и пять

От старика под корнями Хельга шла домой молча, и молчала не потому, что нечего было сказать, а потому, что жёлудь в тряпке лежал у неё за пазухой и мешал идти так, как она привыкла.

Она считала.

Считать она умела с двенадцати лет, когда её посадили за книгу расходов, и счёт у неё всегда шёл в одну сторону: сколько стоит день. Пила — тридцать две марки и рабочий. Кузнец — полторы марки за подкову. Тележка с песком — девять. Три караульных, которые стерегли склад по ночам, потому что в прошлую зиму со склада вынесли весь инструмент, — по марке с четвертью. И на всём этом висела лесопилка, у которой не было отца, зато были шестнадцать балок из валёжника, лежавших в сарае в том порядке, в каком их складывал он, и на эти балки был заказ от Гнилоземья на мост.

Шестнадцать и пять. Пять саженей дуба на мост, который в этих краях раз в двадцать лет срывает вода; и шестнадцать балок, за которые ей обещали четыреста марок и вечную признательность общины, которая платит признательностью чаще, чем деньгами.

Проходя мимо ветряка Герхардта, она остановилась.

Ветряк стоял на месте бывшей рощи, и это единственное, чего Хельга не могла ему простить, хотя знала всё остальное: что мельник поставил его на своём участке, что участок был продан ему отцом пять лет назад, что деньги за участок ушли на её учение в городе, где она просидела полтора года и не доучилась. Ветряк был честный. Ветряк молотил рожь всем, кто платил.

Дома она разожгла печь, поставила вариться кашу и села с книгой расходов.

Книга была отцовская, в кожаной обложке, с двумя закладками — одна на середине, другая ближе к концу, — и за последние два года Хельга исписала листов двенадцать своим мелким почерком. Каждый вечер она читала последнюю страницу не для того, чтобы вспомнить цифры: цифры она помнила. Она читала её, чтобы убедиться, что почерк всё ещё её.

В дверь стукнули — не как стучат заказчики, а как стучат те, кто знает, что откроют.

Пришёл Герхардт: большой, в кожаном фартуке, с руками в старых ожогах, мастер из тех, кто говорит медленно и потому считается глупым.

— Слышал, ты к ним ходила, — сказал он. — Которые под корнями.

— Ходила.

— И что?

— Держат слово, — сказала Хельга. — Дают шестнадцать балок из валёжника. Своими руками, к сроку, к мосту. Берут с меня уговор.

Герхардт сел на лавку и долго молчал, глядя на печь.

— Я тебе в прошлом месяце сказал «нет», — проговорил он наконец. — И сейчас скажу «нет»: я в этом уговоре не встану ни свидетелем, ни поручителем. Ты за него отвечаешь сама, а я тебе говорю только одну вещь, и слушай её внимательно: лес у нас не вырубается, лес у нас обменивается. Кто раз взял у них под мостом, тот потом двадцать лет платит тонкой стружкой.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мой отец был вторым рубившим, — сказал Герхардт. — А первым был твой дед. И ты, кажется, об этом до сегодняшнего дня не слышала.

Он встал и пошёл к двери, и у порога сказал то, отчего у Хельги потом всю ночь ныла рука, державшая тряпку с жёлудем:

— Пойди завтра посмотри на место. Не на своё место, а на место рощи. Оно ровное и чистое, там даже трава не берётся. Такое место не бывает пустым просто так, и ты это знаешь лучше меня.

Ночью она спала плохо. Ей снилось, что она рубит, и дерево оказывается её же рукой, и она просыпается, и лежит тихо, и слушает, как за окном гудит ветряк, и думает о шестнадцати балках, которые лежат в сарае так аккуратно, что их страшно трогать.

К шести она встала, оделась, взяла фонарь и пошла — не к сараю и не к мосту, а к участку, который отец продал Герхардту.

Дорога от дуба до лесопилки была короткой — полторы версты по вырубке, — и Хельга прошла её за сорок минут, потому что при свете луны снег был белый и дорога читалась сама.

Всю дорогу она считала.

Не деньги — дома.

Дом Пимена: один, пристройка у склада, печь, лавка, окно в две ладони. Дом Марты: она сама, сын, сноха, двое внуков — пятеро в трёх комнатах. Дом Клауса: он, жена, трое, мать-старуха — шестеро. Дом Курта: он, жена, двое, тёща — пятеро. Отто живёт с матерью и двумя сёстрами, отца нет.

Дальше шли те, кто на лесопилке не работал, но жил с неё: Бригитта с тремя за складом, у которой муж утонул на переправе; старуха Эмма у перевоза; возчик в Нижнем с восемью едоками; Якоб-мельник с женой, у которых, слава богу, никого.

Двенадцать семей. Двадцать три человека, если считать только тех, кто ест каждый день.

Хельга шла и складывала: двадцать три человека и один дуб.

Она знала, что это сравнение — дурное. Она знала, что так считать нельзя, что человек — не балка и что если начать мерить людей деревьями, то очень скоро найдётся тот, кто начнёт мерить деревья людьми. Но она всё равно складывала, потому что в такие минуты человек не выбирает, как считать; он выбирает только, считать или не считать, — а не считать она не умела.

Дома её ждал Отто.

Он сидел на крыльце, в шубе поверх рабочей куртки, и в руках у него была пила, и он её держал так, как держат вещь, которую не знают, куда деть.

— Ты чего не спишь? — спросила Хельга.

— Я думал.

— О чём?

— О письме.

Хельга села рядом.

Отто был третий месяц на лесопилке, и за эти три месяца он уронил два раза доску на ногу, сломал зуб у пилы и один раз, по неопытности, зашёл в сарай, где стояли отцовские балки, и Пимен вывел его за руку и сказал одно слово — «не ходи», — которое Отто запомнил.

— Ну и что ты думаешь?

— Я думаю, что если не рубить, то лесопилка встанет, — сказал Отто.

— Правильно думаешь.

— И что тогда мне идти в город.

— Может, и не идти.

— Хельга. — Он посмотрел на неё. — Мне шестнадцать. Я тут третий месяц. Я ничего не умею. — Он помолчал. — Меня в городе возьмут только в артель, а в артели первый год платят харчами, а второй — половиной. И там ещё надо, чтобы за тебя кто-то сказал слово.

— Я скажу.

— Вы не можете. Вы тут останетесь.

Хельга ничего не сказала.

— Я не жалуюсь, — сказал Отто торопливо. — Я просто считаю. Марта говорит, что считать не стыдно, стыдно не считать.

— Марта права.

Они посидели.

Пила в руках Отто была холодная, и он всё время её поворачивал, будто грел.

— Хельга, — сказал он наконец. — А вы их видели?

— Кого?

— Ну. Их.

— Видела.

— Какие они?

Хельга думала долго, потому что на такой вопрос нельзя отвечать первым, что приходит в голову.

— Они как мы, — сказала она. — Только у них нет погоды.

— Как это?

— У них нет того, на что можно свалить. — Она смотрела на вырубку. — У нас, если не уродилось, — погода. Если дом смыло — река. Если долг — кредитор. А у них под землёй ничего этого нет: ни погоды, ни реки, ни кредитора. У них если что не так — значит, ты сам не так посчитал. Представляешь, как это тяжело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.